

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЬИ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

И.И. Елисеева,
М.А. Клупт

При проведении сравнительного социологически-демографического анализа трансформация положения семьи в России и Китае авторы исходили из того, что семья - важнейший институт как в российском, так и в китайском обществе. Авторы подчеркивают, что сам институт семьи претерпевает существенные изменения. Цель статьи состоит в характеристике основных направлений таких изменений в России и Китае и их места в общем контексте трансформации семьи. В качестве источника данных использовались показатели официальной статистики России и Китая.

Одна из наиболее острых проблем для Китая - соотношение полов новорожденных - рассматривается с позиций демографической политики 1980-х годов. Делается вывод о наличии в Китае мужского перевеса в возрастах до 30 лет, тогда как в России сложилась тенденция женского превышения, причем в возрастных группах старше 35 лет. Отмечается все большая распространенность в обеих странах таких явлений, как внебрачные союзы и рождения. В России эти явления более отчетливо проявляются в районах Дальнего Востока и Сибири и связаны с более активной внутривосточной миграцией в этих регионах. В Китае доброе сожительство фиксируется в крупных городах, причем в гораздо меньшей степени, чем в России (тем более, по сравнению с западными странами), однако тенденция распространения сожительства составляет одну из характерных примет настоящего времени. Миграция внутри Китая (прежде всего из села в город) не приводит к разрыву межпоколенных и брачных связей, тогда как в России миграционные процессы коррелируются с трендами, проявляющимися в отношении уровня распространенности разводимости и интенсивности формирования «неполных и прочих семей». Завершает статью обзор общих черт и специфических проявлений трансформации семьи в России и Китае, концептуально согласуемый с теорией второго демографического перехода и роли континентальных особенностей в демографических процессах. Делается вывод о большей близости трансформации семьи в Китае к восточноазиатской модели, а в России - к западноевропейской модели.

Ключевые слова: соотношение полов, семья, средний размер семьи, структура домохозяйства, неполная семья, прочие семьи, внутренняя миграция, второй демографический переход, западноевропейская и восточноазиатская модели.

JEL: J11, J12, J13, R23.

Семья остается одним из ключевых институтов российского и китайского общества, выполняя важнейшие интегративные функции и занимая центральное место в повседневной жизни людей. Сам институт семьи при этом претерпевает существенные изменения, обусловленные крупномасштабными сдвигами в сфере политики, экономики и медицинских технологий. Цель данной статьи - охарактеризовать основные направления таких изменений в России и Китае и их место в общем контексте трансформации семьи в разных странах.

Источники статистической информации о семье, используемые в публикуемой статье, имеют в обеих странах много общего. Вопросы, касающиеся размера и структуры домохозяйств, включены в программы переписей населения. В обоих государствах проводятся панельные лонгитюдальные обследо-

вания, репрезентативные на национальном уровне - такие, как «Родители и дети, мужчины и женщины» в России и панельное исследование китайской семьи в КНР [13]. Как Россия, так и Китай принимают участие в кросс-национальном проекте «Всемирное обследование ценностей» (World Values Survey). Заслуживает внимания и международное обследование по социальным вопросам стран Восточной Азии, осуществляемое с периодичностью раз в два года и учитывающее специфику макрорегиона. В 2006 г. это обследование, охватившее КНР, Тайвань, Республику Корея и Японию, было целиком посвящено восточноазиатской семье [15].

Соотношение полов новорожденных. В отличие от России, где соотношение полов в группе от 0 до 1 года составляло на начало 2015 г. 106,0, находясь в рамках биологичес-

Елисеева Ирина Ильинична (si_gas@mail.ru) - д-р экон. наук, профессор, член-корр. РАН, зав. сектором Социологического института РАН, зав. кафедрой статистики и эконометрики СПбГЭУ (г. Санкт-Петербург, Россия).

Клупт Михаил Александрович (gf@unicon.ru) - д-р экон. наук, профессор, декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия).

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 16-23-22002).

кой нормы (от 103 до 107), в КНР наблюдается заметное преобладание новорожденных мужского пола, достигавшее 119,2 в 2000 г. (см. таблицу 1). Вопрос о том, в какой степени столь сильный дисбаланс стал следствием демографической политики КНР, остается дискуссионным. Предпочтение сыновей имеет в Китае глубокие исторические корни. Дочери, согласно обычаям, должны уходить в семьи мужей, поэтому поддержка престарелых родителей является важнейшим

элементом сыновнего долга. Негативным побочным эффектом этой традиции оказывалось пренебрежение здоровьем новорожденных девочек, а иногда и детоубийство. Перевес мальчиков среди детей наблюдался в Китае и в 1930-е, и 1940-е годы [9, p. 756], однако к 1982 г. ситуация, судя по статистическим данным, нормализовалась, и показатель соотношения полов при рождении находился у верхней границы нормы.

Таблица 1

Соотношение полов новорожденных в КНР в 1982-2015 гг.

	1982	1990	1995	2000	2005	2010	2015
Численность новорожденных мальчиков в % к новорожденным девочкам	107,1	111,3	115,6	119,2	118,6	117,7	113,1

Источник: UNICEF. URL: <http://www.unicef.cn/en/atlas/population/777.html> (дата обращения 04.06.2016); China Sees Drop in Birth Sex Ratio for 7th Year Running January 26, 2016. URL: <http://www.womenofchina.cn/womenofchina/html1/features/1601/1610-1.htm> (дата обращения 04.06.2016).

Ужесточение в 1982 г. демографической политики, установившей (за некоторыми исключениями) однодетную норму для городских жителей, по-видимому, вызвало из небытия многовековые традиции. Региональная вариация в соотношении полов новорожденных является в современном Китае весьма сильной и определяется, скорее, этнокультурными, нежели экономическими факторами. Баланс полов новорожденных сильнее

всего смещен в восточных, юго-восточных и центральных провинциях Китая, тогда как в Пекине и Шанхае, а также на Севере и Северо-Востоке КНР он не столь велик (см. таблицу 2). В районах проживания меньшинств - Тибете и Синьцзяне это соотношение составляло в 2010 г. соответственно 107 и 106, то есть отклонения от нормального соотношения полов и вовсе не наблюдалось.

Таблица 2

География дисбаланса полов при рождении в Китае в 2010 г.

Географическая зона	Число провинций - всего	Число провинций, в которых соотношение полов новорожденных (девочки=100) составляло			
		106-111	112-117	118-123	124-129
Север	5	2	3	-	-
Северо-Восток	3	3	-	-	-
Восток	7	1	-	3	3
Центр-Юг	6	-	-	4	2
Юго-Запад	5	1	3	1	
Северо-Запад	5	1	4	-	-
Итого	31	9	7	8	5

Источник: National Bureau of Statistics of China. What Census Data Can Tell Us About Children in China Facts and Figures 2013. P. 16.

По данным для 31 региона Китая, соотношение полов новорожденных значительно зависит от принадлежности к географической зоне ($\lambda = 0,398$), тогда как линейная корреляция между среднедушевым валовым региональным продуктом в 2013 г. и соотношении

полов новорожденных (по данным переписи 2010 г.) не является статистически значимой ($\gamma = 0,18$). Исследователи отмечают также, что наиболее сильный дисбаланс полов наблюдался в провинциях, где практиковалась «политика полутора детей», то есть

круг семей, которым позволялось иметь двоих детей, был относительно широк [23, р. 305]. Несколько меньшее смещение имело место в регионах, жестко осуществлявших «политику одного ребенка», еще меньшее там, где разрешалось иметь двоих детей. Вопрос о том, сколь быстро удастся КНР привести баланс полов новорожденных к норме, остается открытым. Несмотря на принимаемые правительством КНР меры – запрет в 1994 г. скрининга пола ребенка и программу заботы о девочках, соотношение полов (113,1 в 2015 г.) оставалось сильно смещенным, хотя и обнаруживало тенденцию к некоторому снижению.

Одним из возможных вариантов будущей динамики соотношения полов является развитие событий по южнокорейскому образцу. Дисбаланс в соотношении полов наблюдался в Республике Корея с 1984 по 2004 г., достигнув своего максимума (116 мальчиков на 100 девочек) в 1990 г. (году Лошади, неблагоприятному, по корейским поверьям, для рождения дочерей) [20]. Затем, однако, дисбаланс начал уменьшаться и после 2004 г. сошел на нет [23, р. 303]. Исследователями была также зафиксирована устойчивая тенденция к снижению доли женщин, заявлявших при общенациональных выборочных опросах о том, что «у женщины обязательно должен быть сын» [29, р. 769]. В пользу возможности развития событий по подобному сценарию говорит и тот факт, что дисбаланса полов в индустриально развитых Японии, Сингапуре и Тайване также не наблюдается. В то же время величина населения КНР и сложность его социально-экономической и этнокультурной структуры делают использование любых аналогий для прогнозирования будущих изменений китайской семьи весьма условным.

Независимо от последующего развития событий дисбаланс полов при рождении, наблюдаемый уже несколько десятилетий, неизбежно будет оказывать влияние на формирование китайских семей еще долгие годы. Влияние дисбаланса полов усугубляется тем, что жених, согласно обычаям, должен иметь более высокий социальный и экономический статус, чем невеста. В результате более четверти мужчин в возрасте 32 лет и старше, родившихся после 1974 г., остаются холостя-

ками [30, р. 5]. С другой стороны, традиционные представления о роли женщины как домохозяйки, а мужчины – как добытчика по-прежнему широко распространены. В итоге доля состоящих в браке среди мужчин в возрасте старше 30 лет с высоким уровнем образования и дохода очень велика и значительно превышает значения данного показателя у женщин старше 30 лет с тем же уровнем образования и дохода [33].

Дисбаланс полов в Китае стал также причиной «импорта» невест из граничащих с КНР северных районов Вьетнама. Как правило, они вступают в брак с китайцами, не имеющими высокого уровня дохода и квалификации. Тем не менее более высокий уровень жизни в Китае делает таких женихов привлекательными для вьетнамок [22]. В то же время средства массовой информации сообщают и о вьетнамках, похищенных торговцами людьми и выданных замуж против их воли в приграничные сельские районы Китая [28].

Дисбаланс полов в возрастной структуре населения России радикально отличается от наблюдаемого в Китае в двух отношениях (см. рис. 1). Во-первых, в России такой дисбаланс возникает в средних и старших, а не в младших, как в Китае, возрастах. Во-вторых, в России имеет место женский, а не мужской перевес: в возрастной группе 30–34 года и всех последующих возрастах численность женщин превышает численность мужчин, причем с возрастом это превышение быстро нарастает. Подобная ситуация обусловлена прежде всего различиями в ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в Китае разрыв в ожидаемой продолжительности жизни при рождении у женщин (77 лет) и мужчин (74 года) невелик, то в России, где значения данного показателя в 2014 г. составляли соответственно 76,47 и 65,29 года [3, с. 46], этот разрыв несравнимо выше (11,2 года). Иной, вследствие этого, оказывается и иерархия причин, по которым пожилые люди не получают необходимой поддержки со стороны близких. В России большее значение имеет относительно раннее вдовство женщин, в Китае большую роль играет миграция из менее развитых в более развитые районы, отрывающая детей от родителей.

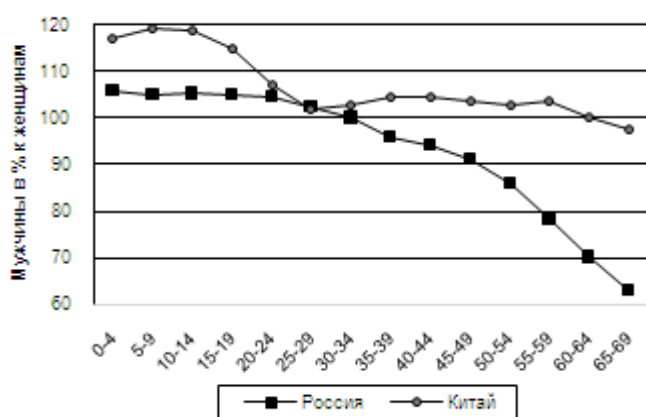

Рис. 1. Соотношение мужчин и женщин в различных возрастных группах населения России и Китая (в процентах)

Источник: Распределение населения Российской Федерации по полу и возрастным группам (на 1 января 2015 г.). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/; China Statistical Yearbook 2015, table 2.8. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>.

Внебрачные союзы и рождения. Китайская традиция предполагает практически всеобщее вступление в брак, хотя в ряде сельских регионов он некогда легитимировался свадебной церемонией, а не государственной регистрацией [31, р. 394], а также негативное отношение к добрачным сексуальным отношениям. Кроме того, демографическая политика КНР, в свою очередь, была направлена на повышение возраста вступления в брак. Совмещение этих факторов приводило к тому, что в 1970-е годы медианный возраст сексуального дебюта, судя по данным выборочного исследования, составлял у китайских мужчин около 25 лет [25, р. 735]. В последующие годы этот возраст снизился у мужчин до 22,5 года, однако и в 1990 г. половую жизнь в возрасте до 20 лет начинали, по данным того же исследования, менее четверти респондентов как мужского, так и женского пола.

В XXI веке эта ситуация претерпевает заметные изменения. По данным недавнего лонгитюдного обследования китайских семей, среди лиц, вступивших в брак в 1980-1989 гг., опыт добрачного сожительства имелся только у 4,3% мужчин и такой же доли женщин, тогда как в брачной когорте 2000-2009 гг. значения данного показателя составляли соответственно - 31,1 и 28,6%, а в когорте 2010-2012 гг. - 41,5 и 46,5% [18, р. 617]. Распространению внебрачных сожительства, вероятно, будут способствовать и трудности со

вступлением в брак, которые в настоящее время испытывают определенные социально-демографические группы населения. В силу противоречий между традиционными представлениями об обязанностях мужа и жены и современными реалиями к таким группам относятся прежде всего мужчины с низким уровнем квалификации и дохода и женщины с высоким образовательным уровнем, ориентированные на профессиональную карьеру.

Следует, правда, отметить, что результаты различных выборочных обследований не вполне согласуются друг с другом, отражая, по-видимому, высокую степень неоднородности генеральной совокупности, противоречивые тенденции в рассматриваемой сфере. Так, по данным шестой волны Всемирного обследования ценностей в Китае 81,6% респондентов считали себя состоявшими в браке и только 1% определили свой брачный статус как «совместное проживание», тогда как в Швеции - соответственно 40,8 и 17,2% [19, р. 379]. По данным того же обследования, при оценке допустимости добрачного секса по десятибалльной шкале (1 - не допустим ни при каких обстоятельствах, 10 - всегда допустим) такая оценка составила в Китае 3,5, тогда как в Малайзии - 2,5, Республике Корея - 4,5, Японии - 6,2, Швеции - 9,0 [19, р. 390].

В России XX столетия распространению внебрачных союзов способствовал целый ряд факторов: сначала послереволюционная дискредитация церковного и «буржуазного» браков, затем массовые добровольные и вынужденные миграции в районы Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера и деформация половозрастной структуры населения, вызванная последствиями войны. Тенденция ко все более широкому распространению «пробных» браков среди молодежи, подтверждаемая данными последних переписей населения и выборочных обследований, накладывается в России на довольно спокойное отношение к неофициальным брачным союзам, сформированное в массовом сознании еще событиями советской истории. В силу этого молодежные «пробные» браки в России не являются столь радикальной социальной инновацией, как в Китае, хотя и вписываются вместе с ними в общую тенденцию, характерную в XXI веке для большинства развитых стран.

«Продвинутость» региона по шкале модернизации не является в России фактором, положительно связанным с распространенностью внебрачных сожителств и рождений. В настоящее время они наиболее распространены не в мегаполисах, а в районах Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, где уро-

вень миграционной подвижности исторически был более высок и неофициальный характер брачного союза долгое время выступал, скорее, маркером неопределенности социального и экономического положения его участников, нежели их приверженности модернизационным ценностям (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Распространенность внебрачных союзов и внебрачных рождений
в некоторых регионах России
(в процентах)**

	Доля лиц, проживающих в регионе не с рождения (по данным переписи 2010 г.)	Доля мужчин, состоявших в незарегистрированном браке, среди всех мужчин, состоявших в браке, в 2010 г., в возрасте (лет)			Доля детей, родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, в % к общей численности родившихся	
		от 16 и старше	20-24	30-34	2010	2015
г. Москва	41,8	8,2	27,2	12,7	21,4	18,6
г. Санкт-Петербург	43,8	11,3	38,8	16,4	22,3	17,8
Сибирский федеральный округ	57,3	12,0	41,2	22,1	31,9	27,9
Дальневосточный федеральный округ	57,8	19,3	42,5	24,3	34,7	30,0

Источник: Всероссийская перепись населения 2010. Том 2, таблица 5; том 8, таблица 1. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

В современной России различие между зарегистрированными и незарегистрированными браками состоит не столько в их большем или меньшем соответствии общественной морали, сколько в более или менее определенных и долгосрочных намерениях их участников. В этих условиях официальная регистрация, среди прочего, оказывается символической декларацией о намерениях, отграничивающей брак как жизненный проект, рассчитанный на многие годы, от внебрачного союза, будущие намерения участников которого остаются неопределенными. Рождение вторых, а иногда третьих и последующих детей, рассматривается большинством россиян как естественный атрибут зарегистрированного брака, но не внебрачного союза.

В пользу подобного вывода свидетельствует тот факт, что рост числа рождений, происшедших в годы реализации последней волны мероприятий демографической политики, и связанный, главным образом, с рождением вторых и третьих детей, почти полностью приходится на зарегистрированные браки. Число детей, рожденных в зарегистрированном браке, в 2015 г. увеличилось по сравнению с 2006 г. на 473,1 тыс., тогда как число рождений вне брака сократилось за тот же период

на 12,1 тыс. Данные за 2014 г. позволяют разложить прирост рождений по сравнению с 2006 г. на три составляющие: прирост рождений в браке (+453,4 тыс.), вне брака по совместному заявлению родителей (+28,3 тыс.) и вне брака по заявлению одинокой матери (-28,5 тыс.) [2, таблицы 4. 6; 3, с. 68]. Поскольку прирост рождений в рассматриваемом периоде произошел, главным образом, благодаря рождению вторых и третьих детей, тенденции внебрачной рождаемости в России и странах Запада за минувшее десятилетие существенно разошлись. В России доля детей, рожденных вне брака, в общем числе рождений снизилась с 30,0% в 2005 г. до 21,6% в 2015 г., тогда как в большинстве западных стран этот показатель продолжает расти.

Структура семей и взаимоотношения поколений. Трансформация китайской семьи является результатом взаимодействия конфуцианской традиции, придающей особое значение семье и сыновнему долгу, и кардинальных политических, экономических и социальных преобразований, происходящих в КНР на протяжении всей ее истории. В XXI столетии колоссальное влияние на трансформацию китайской семьи оказывает миграция из экономи-

чески менее развитых в более развитые регионы КНР. Численность населения, проживающего не по месту постоянной регистрации, выросла со 144 млн человек в 2000 г. до 298 млн в 2014 г., а если исключить из этого числа лиц, зарегистрированных и проживающих в одном и том же городе, но по разным адресам - со 121 млн до 253 млн (18,6% населения КНР в 2014 г.) [14, tables 2-1, 2-3].

Беспрецедентная по своим масштабам внутренняя миграция привела к тому, что значительная часть многопоколенных семей, являвшихся в Китае важнейшей частью традиционного жизненного уклада, трансформировалась в семейные группы. Характерной чертой таких групп, часто состоящих из двух и более домохозяйств, отделенных друг от друга сотнями километров, является финансовая помощь мигрантов, работающих в экономически развитых регионах, своим детям и родителям, оставшимся в менее развитых районах страны. Ввиду того что пенсионная система КНР находится в стадии становления, денежная помощь, получаемая пожилыми китайцами в сельской местности от их детей из города, имеет жизненно важное значение. Потоки межпоколенных денежных трансфертов в России и Китае имеют, таким образом, различную структуру - если в России они в основном движутся от родителей к детям [5], то в КНР - от среднего поколения к старшему и младшему.

В официальном докладе о положении семьи в КНР говорится о том, что «оставленные» (left behind) родителями-мигрантами дети составляют 35,1% всех детей, проживающих в сельской местности [26]. По данным Всекитайской федерации женщин на конец 2010 г., из 61 млн таких детей у 46,74% мигрировали оба родителя [11, р. 9-10]. Судя по данным выборочных обследований, материальные условия жизни детей, переехавших на новое место жительства вместе с родителями, оказываются лучше, чем у их сельских сверстников, а жизнь в новой городской среде не вызывает у детей мигрантов психологического дискомфорта [17]. В другом обследовании [12] подчеркивается, что проблемы со здоровьем и недостаточным питанием характерны для всех детей в сельской местности. Дети, оба или один из родителей которых работают в городе, не отличаются в этом смыс-

ле в худшую сторону от детей, живущих вместе с родителями.

Другой социальной проблемой Китая являются оставленные без попечения старики - по данным того же доклада, около половины представителей старшего поколения в сельской местности живут отдельно от своих детей [26]. При этом в Китае, где разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин не так велик, как в России, только каждый десятый пожилой человек из сельской местности живет один, тогда как 41,9% от их общего числа - в составе супружеской пары. В данном отношении ситуация в Китае отличается от российской, где на долю женщин приходится 83,3% лиц в возрасте 65 лет и старше, проживающих в домохозяйстве, состоящем из одного человека [1, том 6, таблица 10].

Необходимо, впрочем, отметить, что несмотря на происходящие преобразования, доля домохозяйств, состоящих из трех и более поколений, остается в КНР весьма значительной и не имеет явной тенденции к уменьшению. В 1982 г. на долю таких домохозяйств приходилось 18,8% общего числа домохозяйств, в 1990 г. - 18,3, в 2000 г. - 19,0, в 2010 г. - 18,1%. Доля домохозяйств, состоящих из трех и более поколений, в 2010 г. составила в городской местности 12,05%, в сельской - 22,43% [32].

Средний размер семьи в Китае наиболее велик в менее развитых в экономическом отношении регионах и районах проживания национальных меньшинств, для которых делались наиболее существенные исключения из однодетной нормы демографической политики. Так, если в Шанхае в 2014 г. средний размер домохозяйства составлял 2,34 человека, доля домохозяйств, состоящих из одного человека, - 24,8%, а из пяти и более человек - 12,9% от общего числа домохозяйств, то в Синьцзян-Уйгурском автономном районе средний размер домохозяйства - 3,2 человека, доля одиночек - 11,9%, доля домохозяйств из пяти и более человек - 18,1%. При этом в Шанхае в возрастных группах от 15 до 49 лет более половины лиц, проживающих в домохозяйствах, состоящих из одного человека, - это мигранты [32]. Корреляция между среднедушевым валовым региональным продуктом на душу населения в 31 регионе КНР и долей домохозяйств, состоящих из одного челове-

ка, в общем числе домохозяйств по данным 31 региона является прямой ($r = 0,55$) и статистически значимой на уровне $\alpha = 0,01$.

Сравнение с другими странами (см. рис. 2) показывает, что доля домохозяйств, состоящих из одного человека, в Китае (14,9%), в том числе Пекине (21,4%) и Шанхае (24,8%), значительно ниже, чем в Японии (32,4%), Франции (33,8) и Швеции (36,2%), а также, хотя и в меньшей степени, чем в России (25,7%), Москве (27,1%) и Санкт-Петербурге (29,3%). По среднему размеру домохозяйства Шанхай (2,3 человека) и Пекин (2,5) опережают Швецию, Японию и Францию, но отстают от России (2,6) и Москвы (2,6). Средний размер домохозяйства в Китае в целом (3,0) выше, чем во всех названных странах.

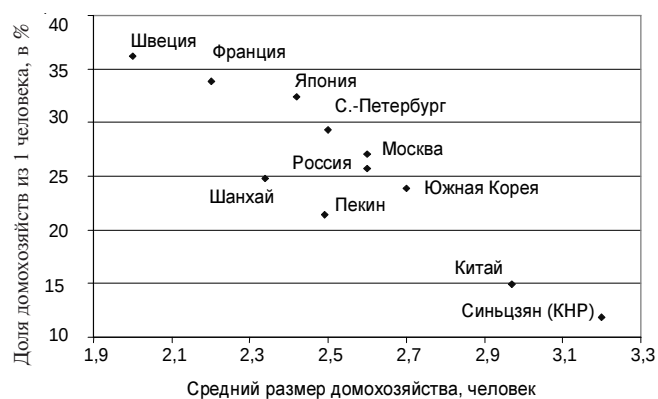

Рис. 2. Средний размер семьи и доля домохозяйств, состоящих из одного человека, в некоторых странах и регионах России и Китая

Семья и внутренняя миграция. Сравнение структуры домохозяйств по данным переписей населения свидетельствует о возрастающей деформации российской семьи (см. таблицу 4). К продолжающемуся росту доли неполных семей добавилось резкое увеличение доли прочих семей, без родительского ядра (прародители и внуки; тети/дяди и племянники и т. д.): по данным Всероссийской переписи населения 2002 г., доля прочих семей составила 6,6%, по переписи 2010 г. - 9,6%. Причем в их составе растет доля домохозяйств с детьми до 18 лет: в 2002 г. - 17,2 %, в 2010 г. - 28,3%. Социальные последствия подобной динамики вряд ли будут позитивными. Ранжирование субъектов РФ по доле неполных семей показало устойчивость локализации максимальных значений в дальнево-

сточных регионах, а также в крупнейших городах (Магаданская область, г. Санкт-Петербург). Проранжировав субъекты РФ по уровню разводимости (числу разводов на 1000 населения) и интенсивности внутрисероссийской миграции (миграционному обороту на 1000 населения), мы обнаружили, что максимальные значения этих характеристик также имеют место в дальневосточных регионах: максимальная разводимость в 2002 г. в Камчатском крае (7‰), в 2010 г. в Магаданской области - 10,6‰; максимальный миграционный оборот в 2002 г. в Магаданской области - 88‰, в 2010 г. в Республике Тыва - 58‰.

Совпадения такого рода дали основания для выдвижения рабочей гипотезы о влиянии внутренней миграции на изменения в составе домохозяйств. Поскольку характеристики состава домохозяйств могут быть получены только по материалам переписи населения, данные о миграции были взяты за переписные годы. Для проверки гипотезы по cross-section данным были рассчитаны коэффициенты парной корреляции между уровнем миграционной подвижности населения и разводимостью. Результаты расчетов по данным лет обеих переписей населения показали наличие статистически значимой корреляции, причем в 2010 г. теснота связи между механическим движением населения и разводимостью усилилась: если в 2002 г. значение коэффициента корреляции r составило 0,135, то в 2010 г. - 0,229.

Таблица 4

Структура домохозяйств Российской Федерации в 1970-2010 гг. по данным переписей населения (в процентах)

Состав домохозяйств	1970	1989	2010
Брачная пара с детьми и без детей	63,3	67,9	52,1
Брачная пара с детьми и без детей и другими родственниками	15,7	11,5	13,9
Две и более брачные пары с детьми и без детей и другими родственниками или без них	3,1	3,3	3,4
Мать (отец) с детьми	12,5	13,2	15,4
Мать (отец) с детьми и другими родственниками	3,5	2,0	5,6
Прочие семьи	1,9	2,1	9,6

Построение уравнений множественной регрессии, описывающих зависимость доли неполных семей от уровня разводимости и миграционного оборота, подтвердило значи-

мость такого фактора, как разводимость (на 5%-ном уровне значимости) и усиление роли миграционного оборота: если в 2002 г. этот фактор был статистически незначим, то в 2010 г. он стал значим на 5%-ном уровне. Фактор разводимости оказался статистически значимым и в регрессиях, в которых в качестве зависимой переменной выступала доля прочих семей. Однако при этом уровень миграционной подвижности оказался статистически незначим как для 2002 г., так и для 2010 г.

Внутрироссийская миграция в постсоветский период практически не контролируется и не регулируется государством и определяется мотивами самого населения. Статистические данные постсоветского периода свидетельствуют о формировании двух устойчивых потоков мигрантов внутри России, направленных, во-первых, в ареалы мегаполисов - Москву и Санкт -Петербург, а также другие города-миллионники, и во-вторых, на юг страны. Оба направления связаны с оттоком населения из Сибири и Дальнего Востока, причем выбытие населения вследствие миграции перекрывает положительное сальдо естественного движения населения. Ярким примером такого положения является Республика Саха (Якутия).

Для проверки значимости географического фактора для уровня интенсивности миграционной подвижности населения были построены две таблицы сопряженности - по данным 2002 г. и 2010 г. При этом с целью обеспечения сопоставимости были приняты одни и те же границы интервалов при группировке субъектов РФ по значениям миграционного оборота (см. таблицы 5 и 6).

Таблица 5
Миграционный оборот (на 1000 населения) в федеральных округах Российской Федерации в 2002 г.

Федеральный округ	До 24	24-34	34 и более	Итого
Центральный	8	10	0	18
Северо-Западный	0	0	10	10
Южный	6	0	0	6
Северо-Кавказский	0	3	3	6
Приволжский	0	0	14	14
Уральский	0	4	0	4
Сибирский	0	11	1	12
Дальневосточный	0	0	7	7
Итого	14	28	35	77

Таблица 6
Миграционный оборот (на 1000 населения) в федеральных округах Российской Федерации в 2010 г.

Федеральный округ	До 24	24-34	34 и более	Итого
Центральный	2	15	1	18
Северо-Западный	2	5	3	10
Южный	2	3	1	6
Северо-Кавказский	1	4	1	6
Приволжский	4	8	2	14
Уральский	0	3	1	4
Сибирский	0	4	8	12
Дальневосточный	0	2	5	7
Итого	11	44	22	77

Данные таблиц 5 и 6 свидетельствуют о том, что вышеназванные тенденции механического движения населения стали к 2010 г. более выраженными. Можно предположить, что эти тенденции проявились бы с еще большей определенностью, если бы рассматривалось только выбытие или только прибытие населения. Мы предпочли взять миграционный оборот в качестве характеристики миграции, поскольку рассматривали миграционную подвижность как некий интегральный индикатор устойчивости супружеских отношений, ответственности одного поколения перед другим, общего социального климата.

Общепризнано, что наиболее популярный критерий математической статистики хи-квадрат может использоваться для проверки гипотезы об отсутствии связи между переменными лишь в случае, когда теоретические частоты $\hat{n}_{ij} \geq 5$ хотя бы в 80% клеток таблицы. Поскольку исходные данные не удовлетворяют этому условию, была проведена перегруппировка субъектов РФ путем объединения федеральных округов (см. таблицы 7 и 8).

Таблица 7
География миграционного оборота в России по укрупненным группам федеральных округов в 2002 г.

Группа федеральных округов	Миграционный оборот на 1000 населения			
	до 24	24-34	34 и более	Итого
ЦФО+СЗФО	8	10	10	28
ЮФО+С-КФО+ПФО	6	3	17	26
УрФО+СФО+ДВФО	0	15	8	23
Итого	14	28	35	77

По данным таблицы 7 значение статистики χ^2 составило 19,3.

Таблица 8

География миграционного оборота в России по укрупненным группам федеральных округов в 2010 г.

Группа федеральных округов	Миграционный оборот на 1000 населения			
	до 24	24-34	34 и более	Итого
ЦФО+СЗФО	4	20	4	28
ЮФО+С-КФО+ПФО	7	15	4	26
УрФО+СФО+ДВФО	0	9	14	23
Итого	11	44	22	77

По данным таблицы 8 значение статистики χ^2 составило 20,5.

Обе таблицы имеют размерность 3×3 , критическое значение критерия хи-квадрат равно 9,49 (при числе степеней свободы $df = 4$ и 5%-ном уровне значимости). Поскольку фактические значения критерия хи-квадрат в два с лишним раза превышают критическое значение, то предположение о независимости интенсивности миграции от географического фактора может быть отклонено, причем, не только на 5%-ном, но и на 1%-ном уровне значимости. Сопоставление маргинальных (итоговых) распределений по интенсивности миграционного оборота по данным 2002 г. и 2010 г. свидетельствует о сокращении как сравнительно небольшой, так и самой значительной подвижности населения при активном росте числа территорий со средней интенсивностью механического движения населения. Именно эта группа, включающая свыше 57% субъектов РФ, формирует теперь общую картину миграции. Пространственная энтропия миграции снизилась, но ее влияние на семью, ее состав, уход за детьми и их социализацию повысилось, что было подтверждено статистической значимостью этого фактора при объяснении доли неполных семей.

В Китае, как было отмечено выше, воздействие миграционного фактора на семью менее разрушительно. Статистически это находит отражение в такой категории, как «член семьи, проживающий отдельно от семьи», которая довольно долгое время присутствовала и в советских переписях населения. В большей мере эта категория фиксирует представителей молодого поколения, переехавших из села в город и сохраняющих устойчивые связи с родительской семьей (независимо от брачного состояния) [8]. Заметим к тому же, что интенсивность миграции в Китае находится под контролем государства, что, несомненно, влияет на ее характеристики. В России разрыв

брачных отношений, как показало исследование «Семья после развода», проведенное в 1995 и 1998 гг. под руководством П. Фести (ИНЕД, Франция), приводит более чем в 80% случаев к потере контакта мужчины с бывшей семьей, причем независимо от наличия рожденных в этом браке несовершеннолетних детей [7].

Среди множества факторов, влияющих на состав российской семьи и структуру домохозяйств, фактор внутривострановой миграции является одним из наименее изученных. При огромности территории России и плюрализации типов семей/домохозяйств этот фактор требует внимания не только при исследовании устойчивости брака [4], но и при рассмотрении изменения состава домохозяйств, процессов демографического и социального воспроизводства, отношений между детьми (в том числе и от разных браков), родителями и прародителями, а также прочими родственниками.

Заключительные замечания. Сравнительный статистический анализ, проведенный в данной статье, позволяет выделить пять групп процессов и феноменов, наблюдаемых в ходе трансформации семьи в России и Китае (см. таблицу 9). К их числу относятся: (а) процессы и феномены, свойственные всем развитым странам; (б) наблюдаемые в Китае и восточноазиатском регионе, но отсутствующие в России, Северной и Западной Европе; (в) наблюдаемые в России, Северной и Западной Европе, но отсутствующие в Китае; (г) наблюдаемые только в России и (д) только в Китае. Завершая статью, необходимо сказать несколько слов о том, как соотносятся эти процессы и феномены с теоретическими концепциями, характеризующими трансформацию семьи по окончании перехода от высокой к низкой рождаемости и смертности.

Наиболее общей из таких концепций является теория второго демографического перехода - процесса, в ходе которого приверженность ценностям супружеского долга и солидарности поколений существенно ослабевает, в силу чего внебрачные союзы и рождения, а также одиночные домохозяйства получают все более широкое распространение. Хотя ряд ученых [21] полагают, что второй демографический переход представляет собой процесс, постепенно охватывающий все

Общее и специфическое в трансформации семьи в России, Китае и постиндустриальных странах Восточной Азии и Северной и Западной Европы

Трансформационные процессы и феномены	Россия	Китай
Феномены, свойственные трансформации семьи во всех постиндустриальных странах	Рождаемость не обеспечивает простого замещения поколений. Старение населения. Преимущественная форма семьи - нуклеарная. Значительная доля домохозяйств, состоящих из одного человека (в КНР только в наиболее экономически развитых районах). Растущая распространенность нерегистрируемых молодежных добрачных союзов	
Феномены, свойственные для трансформации семьи в постиндустриальных странах Восточной Азии	—	Малая распространенность внебрачных союзов в среднем и старшем возрастах. Внебрачная рождаемость практически отсутствует. Иммиграция не влияет на рождаемость
Феномены, свойственные трансформации семьи в странах Северной и Западной Европы	Значительное распространение внебрачных сожительства, в том числе в среднем возрасте. Иммиграция оказывает повышающее влияние на рождаемость	—
Феномены, наблюдаемые только в России или только в Китае	Повышение рождаемости является официально провозглашенной целью демографической политики. Значительное снижение доли родившихся вне брака в общем числе новорожденных в период с 2005 (30,0%) по 2015 г. (до 21,6%). Значительные масштабы одиночества пожилых женщин, вызванного высокой разводимостью и значительным разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин. Внебрачные сожительства наиболее распространены там, где они исторически являлись маркером неопределенности социального и экономического статуса (Сибирь, Дальний Восток, Крайний Север)	Государственное планирование рождаемости. Дисбаланс полов при рождении и в брачных возрастах (мужчин больше, чем женщин). Сильное влияние внутренней миграции: большое число детей в сельских семьях с «пропущенным поколением»; значительное распространение территориально разделенных трехпоколенных семейных групп, связанных финансовыми трансфертами от среднего к старшему и младшему поколениям. Устойчивость домохозяйств из трех и более поколений, доля которых в общем числе домохозяйств с 1982 г. остается стабильной (около 18-19%)

большую часть развитого мира, вопрос о том, наблюдается ли второй демографический переход за пределами Запада, по-прежнему остается дискуссионным.

Исследователи модернизации восточноазиатской семьи, отвечая на вопрос о том, проходит ли она через второй демографический переход, говорят и да, и нет, подчеркивая, что

многие изменения в европейских и восточноазиатских странах при внешнем сходстве имеют различную сущностную основу. По их мнению, даже в наиболее развитых восточноазиатских странах ценностной основой брака, нетронутой модернизацией, остаются долг и ответственность, а не интимность [24, р. 85]. Подобный вывод корреспондирует со стати-

стическими данными: несмотря на быструю модернизацию, внебрачные сожителства, а тем более внебрачные рождения не получили в восточноазиатских странах широкого распространения. По мнению ряда авторов [19, 24], это объясняется не только культурой, но и особенностями законодательства, которое в Восточной Азии не столь толерантно к незарегистрированным брачным союзам, как на Западе.

Трансформация семьи в Китае несколько ближе по своим характеристикам к восточноазиатской, а в России - к западноевропейской модели, однако обе страны обладают яркой страновой спецификой. В обоих государствах семья, не утратив роли одного из важнейших институтов общества, претерпела существенные изменения. Как в России, так и в КНР трансформация семьи происходила под влиянием быстрого перехода к новой структуре экономики, в которой несравнимо более важную роль, чем прежде, стали играть рыночные отношения. В силу радикального характера происходивших изменений их влияние на повседневную жизнь семей в России и КНР носило иной характер, чем в странах Восточной Азии (Японии, Республике Корея, Тайване), Западной и Северной Европы, не испытавших столь кардинальной трансформации. Все это, как в России, так и в Китае, привело к появлению специфических феноменов, не «укладывающихся» в теорию второго демографического перехода.

Одним из возможных подходов к теоретическому объяснению таких феноменов являются исследовательские стратегии, разработанные в исторической социологии и ставящие своей целью показать, как последующие события «произрастают» из предыдущих [16, 10]. В рамках таких стратегий специфические феномены, характерные для трансформации семьи в России или в Китае, объясняются уникальными комбинациями культурного наследия и масштабных исторических перемен, наблюдающихся в обеих странах. Обе исследовательские стратегии, основанные на теории второго демографического перехода и на анализе цепи исторических событий, приводящих к возникновению уникальных страновых феноменов, отчасти дополняют друг друга. Модель трансформации семьи, разработанная в рамках теории второго демографического

перехода, может выполнять функции «идеального типа», сопоставление с которым помогает точнее определить место трансформации российской и китайской семьи в многомерном потоке глобальных изменений.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
2. Демографический ежегодник России 2007: Стат. сб./ Росстат. М., 2007. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B07_16/Main.htm.
3. Демографический ежегодник России 2015: Стат. сб./ Росстат. М., 2015.
4. Захаров С. Браки и разводы в современной России // Демоскоп. № 625-826, 1-25 января 2015.
5. Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. №10. С.136-142.
6. Прокофьева Л.М. Отцы и их дети после развода // Социологические исследования. 2002. № 6. С.11-115.
7. Прокофьева Л., Фести П. Алименты, пособия и доходы семьи после развода // Мир России. 1997. Т. 6. С. 19-25.
8. Семья в России и Китае. Процесс модернизации/под ред. И.И. Елисеевой, Сюй Ан-ци. - СПб, Нестор-история, 2015.
9. Attane I. The Demographic impact of a female deficit in China, 2000-2050 // Population and development review. Vol. 32, No. 4 (Dec., 2006). P. 755-770.
10. Calhoun C. Explanation in historical sociology: narrative, general theory and historically specific theory // American journal of sociology. 1998. 104 (3). P. 846-871.
11. Chen L.J., Yang D.L. & Ren Q. Report on the state of children in China. Chicago: chapin hall at the university of Chicago, 2015.
12. Chengchao Zhou et al. China's left-behind children: impact of parental migration on health, nutrition, and educational outcomes // Health affairs. 2015. 34 (11). P. 1-8.
13. China families panel study. URL: <https://www.src.isr.umich.edu/international/china-family-panel-studies/>
14. China statistical yearbook 2015. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>
15. East asian social survey (EASS), cross-national survey data sets: families in east Asia, 2006 URL: <http://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/ICPSR/studies/34606>
16. Griffin L. Temporality, events, and explanation in historical sociology // Sociological methods and research. 1992. 20 (4). P. 403-427.
17. Hongwei Xu, Yu Xie. The causal effects of rural-to-urban migration on children's well-being in China .China family panel studies. WP 13-002, 2013.
18. Jia Yu, Yu Xie. Cohabitation in China: trends and determinants // Population and development review. 2015. 41 (4). P. 607-628.

19. **Kobayashi K., Kampen R.** Cohabitation in Asia//Quah S. (ed.). Routledge handbook of families in Asia. Abingdon, Oxon, N.-Y.: Routledge, 2015. P. 377-397.
20. **Lee J., Paik M.** Sex preferences and fertility in South Korea during the year of the horse//Demography. 2006. 43 (2). P. 269-292.
21. **Lesthaeghe R.** The Unfolding story of the second demographic transition // Population and development review. 2010. P. 211-251.
22. **Lianling Su.** Cross-Border Marriage Migration of Vietnamese Women to China. A Thesis. Kansas State University. Manhattan, Kansas, 2013. URL: <https://krex.k-state.edu/dspace/bitstream/handle/2097/15663/LianlingSu2013.pdf?sequence=1>.
23. **Loh Ch., Remick E.** China's skewed sex ratio and the one the one-child policy. The China Quarterly / Vol. 222 / June 2015. P. 295-319.
24. **Ochiai E., Hosoya L.** Transformation of the intimate and the public in asian modernity. BRILL, 2014.
25. **Parish W., Laumann E., Mojola S.** Sexual behavior in China: trends and comparisons. source: population and development review. 2007. Vol. 33. No. 4. P. 729-756.
26. Report: Chinese families become smaller. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/13/content_20708152.htm.
27. **Sewell W.** Three temporalities: toward a sociology of the event.
28. Vietnamese girls smuggled into China and sold as child brides. The Manila Times April 18, 2016. URL: <http://www.manilatimes.net/vietnamese-girls-smuggled-into-china-and-sold-as-child-brides/256988/>.
29. **Woojin Chung, Das Gupta M.** The decline of son preference in South Korea: The roles of development and public policy // Population and development review. 2007. 33 (4). P. 757-783.
30. **Yu Xie.** Gender and family in contemporary China. Population studies center research report 13-808. October 2013.
31. **Yue Qian, Zhenchao Qian.** The gender divide in urban China: Singlehood and assortative mating by age and education //Demographic Research. Vol. 31. Article 45. P. 1337-1364. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol31/45/>
32. **Zhan Hu, Xizhe Peng.** Household changes in contemporary China: an analysis based on the four recent censuses/ /The Journal of Chinese Sociology. 2015: 2-9.
33. **Zheng Mu, Yu Xie.** Marital age homogamy in China: A reversal of trend in the reform era? // Social Science Research. 2014. 44. P. 141-157.

FAMILY TRANSFORMATION IN RUSSIA AND CHINA: COMPARATIVE ANALYSIS*

Irina I. Eliseeva

Author affiliation: Saint Petersburg State University of Economics, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).E-mail: si_ras@mail.ru.

Michael A. Klupt

Author affiliation: Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia). E-mail: gf@unecon.ru.

Family is the principle institution in Russian as well as in Chinese society - on these premises the authors of the article conducted comparative socio-demographic analysis of the transformation that is happening to families in both Russia and China. The objective of this paper is to describe main directions of such changes in Russia and China and their place in the general context of the family transformation. Official Russian and Chinese statistics was used as a data source.

For China, skewed sex ratio at birth is one of the most acute problems which in the paper is viewed from the standpoint of demographic policy of the 1980s. The authors draw a conclusion that in China there is a preponderance of men aged under 30 years, while in Russia women are overrepresented in the age group of 35 and older. Increasing prevalence of extra-marital unions and births in both countries is noted. In Russia, these phenomena are more clearly seen in the Far East and Siberia and are associated with a more active domestic migration in these regions. In China, premarital cohabitation is recorded in large cities, although to a much lesser extent than in Russia and in the Western countries; nevertheless, the spread of cohabitation is one of the main characteristic signs of the present time. Migration within China (first and foremost, from rural to urban areas) does not cause rupture in intergenerational and marital relations, while in Russia migration processes correlate with divorce trends and the prevalence of single-parent and other types of families.

The authors outline common features and specific manifestations of ongoing family transformation in Russia and China (which generally speaking aligns with the Second Demographic Transition theory) and the role of continental peculiarities in demographic processes. Transformation patterns observed among the Chinese families make it possible to conclude that China belongs to the South-Asian family transformation model, while Russia - to the West-European model.

Keywords: sex proportion, family, household's structure, average family size, one-parent family, other families, internal migration, the second demographic transition, Western European and East Asian models.

JEL: J11, J12, J13, R23.

* The work was supported by the Russian Foundation for Humanities (RFH grant № 16-23-22002).

References

1. Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 [2010 Russia Population Census]. (In Russ.). Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
2. Demograficheskiy yezhegodnik Rossii 2007: Stat. sb. [The Demographic Yearbook of Russia, 2007: Statistical handbook]. Rosstat, Moscow, 2007. (In Russ.).
3. Demograficheskiy yezhegodnik Rossii 2015: Stat. sb. /Rosstat, M.2015 [The Demographic Yearbook of Russia]. (In Russ.).
4. **Zakharov S.** Braki i razvody v sovremennoy Rossii. [Marriages and divorces in modern Russia]. *Demoskop*, no. 625-826, January, 1-25, 2015. (In Russ.).
5. **Mironova A.A.** Rodstvennaya mezhpokolennaya solidarnost' v Rossii [Intergenerational solidarity of relatives in Russia]. *Sociological Studies*. 2104, no. 10, pp.136-142. (In Russ.).
6. **Prokofieva L.M.** Ottsy i ikh deti posle razvoda [Fathers and their children after the divorce]. *Sociological Studies*, 2002, no. 6, pp.11-115. (In Russ.).
7. **Prokofieva L., Festi P.** Alimenty, posobiya i dokhody sem'i posle razvoda [Alimonies, benefits and family income after divorce]. Universe of Russia, vol. 6, 1997, pp. 19-25. (In Russ.).
8. Sem'ya v Rossii i Kitaye. Protsess modernizatsii, pod red. I.I.Yeliseyevoy, Syuy An-tsi. [Family in Russia and China. Process of modernisation. Ed. by Eliseeva I.I., Xu Anqi]. Saint-Petersburg, Nestor-historia Publ., 2015. (In Russ.).
9. **Attane I.** The Demographic Impact of a Female Deficit in China, 2000-2050. *Population and Development Review*, Vol. 32, No. 4 (Dec., 2006). P.755-770.
10. **Calhoun C.** Explanation in Historical Sociology: Narrative, General Theory and Historically Specific Theory. *American Journal of Sociology* 1998 104 (3). P. 846-871.
11. **Chen L.J., Yang D.L. & Ren Q.** (2015). Report on the State of Children in China. Chicago: Chapin Hall at the University of Chicago.
12. **Chengchao Zhou et al.** China's Left-Behind Children: Impact Of Parental Migration On Health, Nutrition, And Educational Outcomes. *Health Affairs* 2015 34 (11). P. 1-8.
13. China Families Panel Study. Available at: <https://www.src.isr.umich.edu/international/china-family-panel-studies/>.
14. China Statistical Yearbook 2015. Available at: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexeh.htm>.
15. East Asian Social Survey (EASS), Cross-National Survey Data Sets: Families in East Asia, 2006. Available at: <http://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/ICPSR/studies/34606>.
16. **Griffin L.** Temporality, Events, and Explanation in Historical Sociology. *Sociological Methods and Research* 1992 20 (4). P. 403-427.
17. **Hongwei Xu, Yu Xie.** The Causal Effects of Rural-to-Urban Migration on Children's Well-being in China .China Family Panel Studies. WP 13-002, 2013.
18. **Jia Yu, Yu Xie.** Cohabitation in China: Trends and Determinants. *Population and Development Review* 2015. 41 (4) . P. 607-628.
19. **Kobayashi K., Kampen R.** Cohabitation in Asia. Quah S. (ed.). Routledge Handbook of Families in Asia. Abingdon, Oxon, N.-Y.: Routledge, 2015. P. 377-397.
20. **Lee J., Paik M.** Sex Preferences and Fertility in South Korea During the Year of the Horse. *Demography*. 2006. 43(2). P. 269-292.
21. **Lesthaeghe R.** The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review* 2010. P. 211-251
22. **Lianling Su.** Cross-Border Marriage Migration of Vietnamese Women to China. A Thesis. Kansas State University. Manhattan, Kansas, 2013. Available at: <https://krex.k-state.edu/dspace/bitstream/handle/2097/15663/LianlingSu2013.pdf?sequence=1>.
23. **Loh Ch., Remick E.** (2015). China's Skewed Sex Ratio and the One the One-Child Policy. *The China Quarterly*, Volume 222, June 2015. P. 295 - 319.
24. **Ochiai E., Hosoya L.** Transformation of the Intimate and the Public in Asian Modernity. BRILL, 2014.
25. **Parish W, Laumann E., Mojola S.** Sexual Behavior in China: Trends and Comparisons. Source: *Population and Development Review*, Vol. 33, No. 4 (Dec., 2007). P. 729-756
26. Report: Chinese families become smaller. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/china/2015-05/13/content_20708152.htm.
27. **Sewell W.** Three Temporalities: Toward a Sociology of the Event.
28. Vietnamese girls smuggled into China and sold as child brides. *The Manila Times* April 18, 2016. Available at: <http://www.manilatimes.net/vietnamese-girls-smuggled-into-china-and-sold-as-child-brides/256988/>.
29. **Woojin Chung,** Das Gupta M. The Decline of Son Preference in South Korea: The Roles of Development and Public Policy. *Population and Development Review*. 2007. 33 (4). P. 757-783.
30. **Yu Xie.** Gender and Family in Contemporary China. *Population Studies Center Research Report* 13-808. October 2013.
31. **Yue Qian, Zhenchao Qian.** The gender divide in urban China: Singlehood and assortative mating by age and education. *Demographic Research* Volume 31, Article 45. P. 1337-1364. Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol31/45/>.
32. **Zhan Hu, Xizhe Peng.** Household changes in contemporary China: an analysis based on the four recent censuses. *The Journal of Chinese Sociology*. 2015: 2-9.
33. **Zheng Mu, Yu Xie.** Marital age homogamy in China: A reversal of trend in the reform era? *Social Science Research* 44 (2014). P. 141-157.